

«Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало»

ОТ РЕДАКЦИИ

С этого номера «Дружба народов» открывает новую постоянную рубрику: «Нация и мир».

Доказывать актуальность этой темы не надо: она сейчас у всех на устах.

Круг проблем, с которых мы начинаем обсуждение, вытекает из тех вопросов, которые задает академику Д. С. Лихачеву наш корреспондент СЕРГЕЙ БЫЧКОВ.

Участвовать в гальнейшей дискуссии гали

принципиальное согласие: С. Аверинцев, Дм. Балашов, А. Бовин, Г. Гачев, Л. Гумилев, В. Гусев, В. Личутин, С. Ломинадзе, В. Лукин, М. Мамардашвили, Ю. Покальчук, В. Рагойша, А. Топчян, Дм. Урнов, М. Хинт, М. Эпштейн и другие.

Все материалы в рубрике печатаются в дискуссионном порядке.

Одно обстоятельство заранее стоит для нас вне дискуссии: достоинство нации.

Любой: от самой великой до самой малой.

— Когда впервые вы почувствовали себя русским? Как ощутили свою принадлежность русской культуре?

— На этот вопрос трудно ответить. У отца были друзья из русских немцев, живших на Васильевском острове, были немцы сослуживцы. В дачной местности, где мы обычно жили, в Куоккале, мы снимали дом у финских крестьян, и я играл с финским мальчиком Айно. Там жили и шведы, немцы, полугилянская семья Пуни, с которыми мы дружили. У меня была бонна — фрейлен Пушпель. Разноязычная и разнонациональная обстановка казалась вполне обычной. Мое национальное чувство впервые было задето поражениями русской армии в 1915 году, слухами о возмутительном поведении Г. Распутина. Я мало что понимал, но мне было больно за Россию и русских, особенно за поражения на фронте.

— Наблюдали ли вы в годы учения в школе проявления национализма? Поощрялись ли они?

— Ни в школе Карла Мая, ни в школе имени Лентовской национализма вообще не было, и потому он не мог ни поощряться, ни осуждаться. Я дружил со сверстниками, не интересуясь их национальностью. Моими друзьями были Миша Шапиро, Володя Раков и мордвин Коля Неуструев.

— Как складывались в годы вашего учения в университете отношения между студентами различных национальностей?

— Я учился в университете с 1923 по 1928 годы. Тогда я впервые столкнулся с антисемитизмом некоторых студентов (их было очень мало). Очень задела мое национальное чувство «школа Покровского» и сочинения самого Н. Покровского, оплевывавшие русскую историю. Один из таких учеников Покровского экзаменовал меня по русской истории, и, когда я отказался признать, что Петр Великий был болен сифилисом, он поставил мне «неуд» в матрикуле (так называлась зачетная книжка). А потом сообщил в профком, что я монархист.

— Как и когда у вас возникло решение заниматься литературой Древней Руси?

— В университет я поступил на романо-германское отделение, изучал английскую литературу и занимался Шекспиром. Но вскоре убедился, что, живя в России, будучи русским, досконально изучить английскую литературу нельзя. Почувствовал, что трудно написать хорошую работу, не живя в Англии: англичане сделают это гораздо лучше. Поэтому стал заниматься древнерусской литературой.

В семинаре члена-корреспондента АН Дмитрия Ивановича Абрамовича нас было всего-навсего два человека. Дмитрий Иванович был сыном деревенского священника и сам внешне напоминал священника. Лекции читал с закрытыми глазами. Сперва он казался мне скучным. Но я вслушивался и постепенно понял, что мир древнерусской литературы требует внимания. В то время она еще не была объектом обобщенного изу-

чения. Поэтому, как ни странно, мне оказались очень полезными лекции профессоров романо-германского отделения: Жирмунского, Шишмарева, Брима, Миллера. Они дали мне возможность понять, как нужно научно подходить к древнерусской литературе.

— По-видимому, еще до поступления в университет вы были достаточно хорошо знакомы с основными произведениями древнерусской литературы?

— Древнерусская литература по дореволюционным гимназическим программам изучалась больше и лучше, чем сейчас. И хотя я заканчивал школу в 1923 году, новых программ еще не существовало, мы учились по старым. «Слово о полку Игореве», хотя бы начало его, полагалось знать наизусть. Естественно, что первое знакомство с этим памятником древнерусской письменности произошло у меня еще в школьные годы. Произведения древнерусской литературы, которые сейчас изучаются в институтах, в наше время преподавались в школе. Мы умели читать тексты вслух, правильно расставляя ударения. Интересно, что этого порой не умеют делать даже преподаватели нынешних вузов и литературоведы, не то что студенты.

— Ваша жизнь связана с Ленинградом, с Петербургом, с Петроградом. Это город, где всегда уважались национальные традиции. Обогащало ли это русскую культуру?

— В Петербурге жили люди самых различных национальностей. Из нерусских больше всего было немцев, евреев, шведов, эстонцев, французов, англичан. Принадлежность к нации была связана с «национальными профессиями». Так, например, второй этаж Эрмитажа говорил по-французски, первый, античный — по-немецки. Ботаник-систематики в Академии наук были из немцев. Из немцев были преимущественно колбасники, портные, детские врачи. Евреи — аптекари, зубные врачи, ювелиры, репортеры газет, банкиры. Французы владели парфюмерными и модными магазинами.

Я не настаиваю, что мои данные статистически точны: просто у меня сохранились такие впечатления. Все это казалось вполне естественным. Конкуренции между национальностями в Петербурге не было. Антисемитизм был характерен прежде всего для южных городов России. Представить себе еврейский погром в Петербурге было трудно.

Многонациональность города, разнообразие школ с национальными уклонами (существовала эстонская школа, около пяти немецких, еврейская гимназия, было татарское учебное заведение — для детей татар дворников и мелких торговцев); существование французского театра, французского института, возглавлявшегося профессором Луи Рео, — все это способствовало широте петербургской культуры, петербургской терпимости (в том числе и религиозной), разнообразию культурный опыт людей.

Я забыла упомянуть, что Петербург был полон финскими крестьянами (молочницы-финки разносили молочную провизию — слова «продукты» не существовало). Финны были вполне «своими». Редкий из петербуржцев не умел поздороваться, попрощаться или поблагодарить по-фински. К югу от Невы, рядом с финскими располагались русские деревни. Финны и русские крестьяне жили вполне мирно, свадьбы, смешанные браки были редки — главным образом, по религиозным соображениям. Да и в быту встречались некоторые различия.

Иное дело — немецкие колонисты. Немцев, ведших сельское хозяйство, насчитывалось множество — они почитались «интеллигентами» и держались от русских крестьян обособленно. Они в Петербурге и селились отдельно: на Васильевском острове, на Гражданке, в Петергофе.

— Изучая древнерусскую литературу, историю нашей родины, вы, наверное, ставили себе предписание о том, каковы были традиционные отношения к иностранцам или людям других национальностей в Древней Руси?

— Государство Русь с самого начала было многонациональным. В государственный союз Руси входили кроме восточнославянских племен финно-угорские (меря, весь, чудь), а также тюркские племена. Русские вместе с норманнами ходили на Константинополь и в другие далекие края — главным образом, на юг. Ни у кого не было национального высокомерия. Князя если и были норманнского происхождения, то говорили по-русски, вернее, «по-русски», так как разделения на русских, украинцев и белорусов еще не было — до XIV века во всяком случае.

Многонациональное государство воспитывало уважение наций друг к другу. Даже татар завоевателей русские ненавидели как врагов, но не за их национальные черты — их не замечали. Подовчанки славидись красотой, и русские князья часто на них женились. Ни разу в русской письменности не проскользнуло слово «косоглазые»

или что-то подобное. «Всеотзывчивость», о которой писал Ф. М. Достоевский, была чертой русского национального характера, но начало ее положил не Пушкин: «всеотзывчивость» и национальная терпимость существовали на Руси всегда. Было бы крайне важно, чтобы эту черту кто-нибудь из молодых ученых проследил по русской письменности с XI века. Эта-то черта и составляет силу и национальную особенность русского народа. Великая русская река Волга населена множеством народов, и как это великолепно!

— Чем вы объясните распространение на Руси в начале XVI века писаний старца Филофея, утверждавших исключительность Московского государства?

— Теория Москвы как Третьего Рима получила распространение, главным образом, в XVII веке. В XVI веке господствовала теория происхождения Русского государства и княжеского рода, изложенная в «Сказании о князьях владимирских». Огромная роль, которая отводилась в мечтах и чаяниях людей первой половины XVI века Русскому государству, побуждала к созданию особой теории, которая обосновывала бы национальное и мировое значение Руси. Русское государство становилось «идеологическим государством» — со своей теорией общемировых обязанностей и прав.

Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские государи стали воспринимать свои обязанности прежде всего как некое служение — служение православию во всем мире, себя они считали единственными после падения Византии защитниками православия. Три теории привлекали к себе внимание русских государей и были ими восприняты как обоснование своих неограниченных прав на вмешательство в судьбы мира. Одна теория изложена в «Повести о Вавилонском царстве» (вторая половина XV века), там права русских государей связываются с обретением ими царских регалий. Другая теория изложена как бы «попутно», как сама собой разумеющаяся, в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме. И третья теория создана, на основании бывшим московским митрополитом Спиридоном-Саввой и изложена им в «Послании о Мономаховом венце», а затем, в переработанном виде, официально принята в «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривается как унаследованная от римских цезарей.

Именно это «Сказание» и было использовано для официального обоснования права московских великих князей возглавить все русские княжества, а затем и Русское царство. Более же широкое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире было изложено в неофициальных посланиях псковского старца Филофея. Согласно его теории, не представлявшей ничего исключительного для средневековой Европы (где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны), мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав.

Первой мировой державой был Рим Древний (основателями которого выступали иногда герои Троянской войны). Второй мировой державой, пришедшей на смену первой, является Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православия в результате Флорентийской унии и захвата Константинополя магометанами Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала считаться Москва. «Четвертому же Риму не быть», — утверждала легенда. Более подробно этот вопрос рассмотрен в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских».

А вот то, что теория Москвы — Третьего Рима получила распространение в XIX и XX веках, это явление общественной мысли нового времени, отчасти вызванное тем, что Древнюю Русь славянофилы знали плохо, как плохо знают ее и те, кто сейчас думает, что борется за возрождение русского национального самосознания.

— Почему же теория эта оказалась столь живучей? Почему и Екатерина II, а вслед за ней Николай I ощущали себя освободителями плененной Византии, ее прямыми наследниками? Почему до наших дней живы идеи старца Филофея, не основанные ни на каких конкретных исторических фактах?

— Ответ на этот вопрос должны дать историки общественной мысли нового времени.

— В XIX веке было распространено мнение, что национальные отячтия лишь мешают людям сосуществовать. Высказывались мнения, что в XX веке они просто отомрут. Этого не произошло. Почему, как вы полагаете?

— Не берусь утверждать, что все люди в XIX веке думали, будто национальные различия излишни или вредны. Думаю, что даже не большинство, но наиболее крикливые. Национальные различия, безусловно, нужны человечеству. Это ведь тот строительный материал, из которого возводится здание мировой культуры, а строительный материал должен быть разнообразным. Для культуры необходим диапазон различий. Национальные черты — признак богатства человечества.

Сравнения с букетом, с разноцветьем полей, с радугой, с разнообразием животного мира или даже миром бабочек надоели. Разнообразие людей — нечто гораздо более ценное, оно находится на самом высоком уровне мировой «пирамиды». Национальные черты в людях — это субстрат личностей. Национальные черты в культурах — это субстрат тех культурных ценностей, которыми богато человечество. Без национальных особенностей немыслима культура античности, многочисленные культуры Востока, культуры Европы.

Самое ценное, что есть в национальных культурах, — это языки, ибо мышление и язык теснейшим образом связаны. Не будет многих языков — унифицируется мышление, обеднеет. Причем я имею в виду мышление не только поэтическое, но и прозаическое, мышление научное, творческое в широком смысле этого слова. Останется одно только примитивное утилитарное мышление.

Национальные различия способствуют привязанности людей друг к другу. Мы любим Италию за то, что она Италия, Францию за то, что она Франция, и умерли бы от тоски, если бы культурное лицо мира было бы одним и тем же, повсюду одинаковым. Оно неизбежно стало бы унылым. Я уже говорил, что в детстве на меня произвело огромное впечатление то, что великая русская река Волга — многонациональна. Там слышалась и русская речь (притом какая различная в диалектах), и татарская, и башкирская, и чувашская, и персидская (Волга была полна торговцами-персами), и все многообразие языков Кавказа. Россия — многонациональна, как Волга. Как степь, лес и тундра, полные птичьих голосов, причем самых различных пород.

— Чем вы объясните вспышки национальной розни в XX веке, например, такое уродливое явление, как национал-социализм?

— Национальная рознь всегда, к сожалению, существовала в мире, но преодолелась разумом и сердцем, соображениями государственными и моральными. XX век — эпоха, в которой, как это ни странно, «подкорковая» психология стала доминирующей. Слишком много появилось примитивных философских систем, захватывающих своей агрессивностью и притягательных тем, что могут заставить почувствовать человека как бы имеющим свое мировоззрение, свои «идеи». Развитие техники отняло у человечества слишком много интеллектуальных сил. Развитие интеллекта должно происходить равномерно, иначе начинаются «захваты».

Посмотрите на портреты — искусство портретирования в XX веке явно пало, ибо художники перестали ощущать индивидуальность человека, его личность так, как она воспринималась в предшествующие века. Да и личностей стало мало! Изучайте портреты! Ольга Чайковская лет десять тому назад написала замечательную книгу, в которой каждая глава посвящена одному человеку — его жизни и его портретам. Почему это не публикуют? Кому-то показалось, что она идеализирует прошлое. Но она не идеализирует, а просто констатирует.

Когда мы перестаем замечать чужую личность, то возникает озлобление, непонимание других национальностей. Исчезает стремление к познанию других людей, способность понимать другие национальности. Ничего, кроме себя! Любовь только к себе! Да и не любовь вовсе, а «самовосхищение», интерес только к своим нуждам, к своим материальным потребностям.

Злой глаз видит только злое, добрый — и злое, и доброе. Мы стали слишком раздражительны и не хотим видеть хорошее в других национальностях, а ведь всякая национальность включает в себя и добрые и худые черты. Злость — плохой советчик, доброта никогда не подведет. Не подведет потому, что тот, кто сохраняет свою душу, всегда в выигрыше. Тот, кто думает только о материальном, всегда в проигрыше, так как насытиться материальными благами невозможно: всегда хочется большего. Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало.

Национализм питается злостью, ненавистью к чужому, чувством нехватки чего-то. Патриотизм питается добротой, благорасположением, приветливостью, ибо, любя свое, человек понимает того, кто также любит свое. Щедрость питает широту, патриотизм,

гордость за свою нацию, за достижения своей культуры. Национализм же питается жадностью, стремлением захватить у другого, культом силы и агрессии.

— Как вы относитесь к культурам малых народностей?

— Малые народы отданы на попечение большим. О них необходимо заботиться, сильным народам необходимо ценить их культурные достижения, а так как они неудержимо исчезают, то все, что с ними связано, необходимо собирать и хранить. Надо создать фонд, где на кассетах или еще как-то были бы зафиксированы языки, фольклор, быт, обычаи, традиции и искусство малых народов. Для этих записей необходимо создать надежные хранилища. Мы заботимся о генофонде животного мира, но сколько тщательнее мы должны быть озабочены генофондом человечества.

— Сотрутся ли, на ваш взгляд, национальные отличия в XXI веке?

— Сохранятся, если мы того захотим. Сохранятся, если мы будем уделять внимание гуманитарной культуре. Сохранятся, если кривая морали не будет идти под уклон. Сохранятся, если мы в XXI веке будем озабочены воспитанием душ, а не только передачей знаний. В людях необходимо воспитывать мораль, воспитывать их художественную восприимчивость, способность к научному мышлению, к овладению любой профессией, а профессий будет все больше и больше, одним словом — надо воспитывать личность!

— Скажите, что бы вы хотели как русский пожелать русским? Ведь всякий народ должен развиваться к лучшему?

— Русский народ ни в коем случае не должен терять своего нравственного авторитета среди других народов — авторитета, достойно завоеванного русским искусством, русской литературой, борьбой русской интеллигенции за лучшее будущее всего человечества, глубоким интернационализмом русской интеллигенции. Великий народ должен быть на высоте ответственности в своих патриотических чувствах и не сбиваться на грубый национализм. Только осознавая свою мировую ответственность, мы, русские, сохраним наше ведущее положение в нашей стране. Мы должны помогать всем народам нашей страны стать нравственно чище и, разумеется, не спускаться до низкого шовинизма. Мы, русские, в этом шовинизме не нуждаемся. Он преимущественно присущ слабым народам — народам со слабой культурой и слабым культурным наследием. Но мы не должны забывать и о своем культурном прошлом, о наших памятниках, о своей классической литературе, классической музыке и классической живописи. Мы сами виноваты перед своим прошлым. Мы сами в ответе за разрушения, которые производили не так давно.